

СЕРГЕЙ КОРБУТ

ПЕРЕПЛАТЕНИЕ ВРЕМЁН

Андрей Хромовских. Двойная жизнь. — Иркутск, 2019.

Один претенциозный местный критик, удало “замахивавшийся” аж на самого Валентина Распутина ещё при его жизни, прочитав повесть Андрея Хромовских “Двойная жизнь”, похоже, несколько растерялся: откуда, мол, что взялось — не может такого быть, чтобы автор из глубинки вдруг сам взял да написал произведение, от которого просто веет девятнадцатым веком: и язык, и обстановка, и детали быта — такое с кондачка не придумаешь! И вывод он сделал оригинальный: Андрею Хромовских каким-то образом попала в руки старая рукопись, которую он выдаёт за свой литературный труд...

Ну, а я человек доверчивый, потому и сомнению не подвергаю, что состоящий писатель способен к воплощению самых неожиданных творческих идей. Правда, когда это сочетается с безудержным своеволием фантазии, читатель рискует заполучить не чтение, а чтиво, примеров чему в современной литературе множество. Самый “близкий”, пожалуй, — роман Виктора Пелевина “Чапаев и Пустота”, герой которого, Пётр Пустота, тоже живёт в двух временных фазах: в 1996-м и 1918 годах (в современности он — пациент психбольницы, что несколько снижает эффект парадокса “двойной жизни”). Андрей Хромовских тоже мог бы пустить свою фантазию на волю волн, но он обуздывает её, стремясь быть точным в деталях. В этом смысле “Двойная жизнь” — по-настоящему историческое произведение.

Читая повесть, мы быстро погружаемся в жизнь, придуманную, но кажущуюся реальной. Сюжетные линии проявляются не сразу, герои представляются ненавязчиво, словно сквозь дымку июльской духоты, разморившей возлежащего в гамаке помещика: “Не то тоска от жары навалилась, не то скука с хандрю попеременно...” Всё это с подробностями быта (что они кушать изволят и как развлекаются в своём барском безделье) и деталями взаимоотношений. Всё “покачивается” в голове героя в такт движению гамака вместе с ползшим “давеча вверх по террасной бальясине голенастым, наглым, разжиревшим от кухаркиных щедрот прусаком” и “облачным непрерывным скаканьем”. А через десяток страниц автор переносит нас в самую что ни на есть современность: “От виска к подбородку и обратно неспешно бредёт шмелино жужжащая в облаках снежной пены бритва “Gillette”...”

Таких элементов, связующих отдалённые друг от друга времена, в повести немало. Герои живут в прошлом и живут сейчас: Михаил Евгеньевич одновременно помещик и клерк, Машенька — дочь помещика и мелкая служащая. При этом жизнь современных “двойников” представляется скупо. Зато их встреча в девятнадцатом веке подобна налетевшей после затяжной

духоты грозе: тут и громы, и молнии, и ураган чувств. Естественно, и внимания тому времени уделяется значительно больше. Да и сами герои из прошлого и настоящего порой очень отличаются. Чувственные порывы Михаила Евгеньевича из XIX века в корне противоречат его же рассуждениям о любви и браке.

Отдельно стоит отметить пристальную работу автора над каждой исторической деталью. Вот Онуфрий Пафнутьевич входит в комнату к капитану-исправнику: “Вошёл неспешно, с видом несообразно его полицейскому званию значительным, от всех и вся не зависимым. Удивительно. В кресло не присел, как всегда, с краешку, а, не спрашиваясь, плюхнулся в самую его гобеленовую середину; ногу на ногу, руками при этом помогая, покряхтев, закинул; развалился вольно, словно на садовой скамейке”. Обратим внимание на слова “не присел, как всегда, с краешку” и “удивительно”. За ними стоит весьма важная внутриполитическая реалья: до 1862 года должность капитана-исправника (главы уездной полиции) в России была выборной от дворян, и естественно, что Онуфрий Пафнутьевич вынужден был перед ними расшаркиваться, а тут царским указом выборы отменяются и “отныне и навеки должность более не выборная, а зависит едино от воли губернатора”. Вот он и усы вздыбил, и глазками буравит, аж жуть...

Характерная особенность повести – особенный вид авторского присутствия в тексте, практически не ощущающийся читателем. Обычно автор проявляет себя в расстановке акцентов (это хорошо – это плохо), в характеристическом отношении к персонажам (положительный – отрицательный), в комментариях к происходящему (чтобы читатель понял правильно, а не как ему вздумается). Но ничего такого в “Двойной жизни” нет. Люди живут в доставшейся им действительности, с присущими ей нравами, привычками, манерами; и, как бы она их ни тяготила, вырваться из неё им некуда. Ни к одному из своих персонажей автор симпатии не испытывает, пишет их “такими, как есть”, словно не сам придумал, а усмотрел откуда-то со стороны пристальным скептическим взглядом и передал так живо, что мы начинаем переживать и с ними, и за них.

“Двойная жизнь” – попытка найти в жизни что-то более важное, осмысленное, красивое, чувственное, попытка, которую обрекает на неудачу сама правда жизни. В самом начале повести мается душевно Михаил Евгеньевич: “Настоисься на коленях, отобьёшь поклонов несчётно, надышишься ладану – и, вот оно, просветление, снизошло... Так на душе становится хорошо, инда молебны петь хочется, не думается ни о чём, лишь одна мысль душу тешит: “Эх! Вот так-то бы всегда жить – в тиши, в благости, умиротворении с жизнью и самим собою! И почему же я, неразумный, раньше не догадался так жить?!” А как встанешь с колен – сызнова мечешься...” – и, не находя выхода, после всех сюжетных переживаний и разочарований женится на своей горничной, погружаясь в семейную, простую размеренную, хотя и не долгую уже жизнь. С одной стороны, финал вроде бы и неожиданный, но с другой – ведь прочли ему это и остепенившийся друг Евраф Иринархович Бессовестнов, и поигравшая его чувствами Машенька Бессовестнова.

Жаль, но эпилог знаменует победу “пораженчества”: мы и сегодня уходим в быт, пропадаем в социальных сетях липкой Всемирной паутины, разжижаем мозги пошлыми сериалами и мерзкими шоу, отказываемся мыслить самостоятельно, не понимая – как и уже не надеясь изменить не поддающуюся изменениям двойную жизнь.